

ХАЙДАР

БЕЛЫЙ СВЕТ

Хайдар Бедретдинов

Белый свет

«Автор»

2012

Бедретдинов Х.

Белый свет / Х. Бедретдинов — «Автор», 2012

«Белый свет», третья книга члена Союза писателей России, поэта Хайдара Бедретдинова, открывает читателю автора не только как патриота, глубоко привязанного к своей Родине, но и тонко чувствующего лирика, философа. Сочетание гражданской и лирической тем, переход от военных стихотворений-воспоминаний к размышлениям о судьбе народа, красоте простой русской жизни будут близки всем, кто любит свою страну и гордится ее историей. Книга издана в авторской редакции

© Бедретдинов Х., 2012

© Автор, 2012

Содержание

Об авторе	6
Белый свет	7
Полтавская битва	8
Наказ	9
Война	10
Мир	11
Послевоенная ёлка	12
Старый двор	13
На кладбище	14
Защитники Отечества	15
Пятачок в Измайлово	16
23 февраля	17
Соратники	18
Встреча ветеранов	19
Планета комсомол	20
Сомненье	21
Наша Победа	22
Ощущенье	23
Победители и наследники	24
Год Болгарии в России	25
Романс	26
Татьянин день	27
У роддома	28
Сын	29
Радость	30
Усталость	31
Песня о Салтыковке	32
Подруга	33
Внук	34
Свидание в больнице	35
Смятенье	36
Подруги	37
Волшебницы	38
Сказ о тульском самоваре	39
Память	41
Лубочная картинка	42
Родник	44
Восьмое чудо	45
Совет	47
Галерея Шилова	48
Картина Кустодиева	50
Чудо	51
Картина Рембрандта	52
Птичий рынок	53
Уносимые ветром	55
Пустыня	56

Афганистан	57
Воздушный змей	58
Машина времени	59
Оберега	60
За боевые заслуги	61
Родина	62
Афганская боль	63
Заряд	64
20 лет вывода войск	65
Герои «Альфы»	66
Вечер песен	67
Гитара	68
Портрет художника	69
Баянист	71
Призвание	72
Мудрость	73
Зависть	74
Метаморфоза	75
Жизнь	76
Учителя	77
Мой долг	78
Наставник	79
Авеста	80
Кавказские башни	81
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Хайдар Сулейманович Бедретдинов

Белый свет

Об авторе

Непростая судьба поэта Хайдара Бедретдинова, как в зеркале, отразилась в его новой книге «Белый свет», эпицентром которой стала глубокая, пережитая умом и сердцем гражданская лирика поэта-патриота.

Она уходит далеко в историю. Об этом говорят и названия стихов, открывающих книгу «Полтавская битва», где прославляется подвиг русской армии: «В череде побед России славных Память этой битвы негасима: Битва Полтавская, битва Полтавская, Битва Полтавская – слава России!» А в стихотворении «Наказ» раскрывается великий подвиг русского народа под предводительством Александра Невского, в котором своеобразным рефреном звучат слова самого Невского: «Не сломить наш народ Никакой вражьей силе. Кто с мечом к нам придёт, от меча и погибнет!»

Во многих стихах прямо или косвенно военная тема постоянно волнует Хайдара Бедретдинова, к примеру, в стихотворениях «Война», «Мир», «Встреча ветеранов», «23 февраля», «Соратники», «Наша победа», «Победители и наследники» и многих других.

Поэт прошёл афганскую войну, видел смерть наших солдат, поэтому ни в одном стихотворении мы не чувствуем пафосной фальши. И только одно: искренность, великая боль и скорбь за погибших.

В своём программном стихотворении «За боевые заслуги» поэт вслед за классиком советской поэзии также приравнивает перо к штыку: «Были обстрелы. Дымился дувал. Мы и не ждали покоя. Может, и я в сердца попадал Изредка...меткой строкою».

В книге от стихотворения к стихотворению как бы перебрасывается мостик, связывающий Великую Отечественную с этой афганской войной, где простые советские парни верили в те идеалы, на которых были воспитаны их деды, отцы, да и они сами.

И страшнее всего то, что эти идеалы были разрушены псевдодемократами, обманувшими народ. Вот как в коротком, как выстрел, стихотворении «Базар» говорит об этом поэт-гражданин: «И город, и страна – сплошной базар, но горько, что теперь не стало стыдно И честь и память превращать в товар. Боюсь, и нас уж продали, как быдло. Большевикам был сам и чёрт не брат, А брат ли для народа демократ...»

Современная тематика у Хайдара Бедретдинова часто настроена на критический лад. Он не может смириться с тем, что претит его восприятию чистого, светлого в жизни. Думается, что название книги «Белый свет» многозначно и в полной мере отражает душевный и духовный настрой автора.

О чём бы ни писал Хайдар Бедретдинов – всё его творчество пронизано большой любовью к своей стране, к своему народу, которому он, как пророк, предсказывает светлое будущее, потому что верит в него всей душой поэта.

Поэт,

Заслуженный работник культуры Российской Федерации В.Г. Бояринов

Белый свет

Я посмотрел на белый свет,
И в ласковой дали
Я сотый раз узнал, что нет
Милей родной земли.

Встречал тепло я и привет,
Радушие людей,
Я сотый раз узнал, что нет
Верней моих друзей.

Полтавская битва

Есть в строю геройских русских дат
Памятные для народа битвы
Те, в которых маршал и солдат
Воинскую славою покрыты.

Гимнами встречали их заставы.
Вдовы безутешно голосили.
Битва Полтавская, битва Полтавская,
Битва Полтавская – слава России!

Битва Александра на Неве
С беспокойным крестоносным шведом.
Был победой первой наш ответ
В пику вероломному соседу.

Мы гордимся битвой той по-праву.
Набирала Русь святая силу.
Битва Полтавская, битва Полтавская,
Битва Полтавская – слава России!

Вновь пришли во времена Петра
Испытать российское оружие.
И непобедимое «УРА!»
На штыках отбросило их дружно.

Выросла Петровская держава —
Армий нет таких – её осилить.
Битва Полтавская, битва Полтавская,
Битва Полтавская – слава России!

Надвигались вновь и вновь враги:
Немцы и французы, и поляки.
Совершив позорные круги,
Где теперь вчерашние вояки?

В череде побед России славных
Память этой битвы негасима:
Битва Полтавская, битва Полтавская,
Битва Полтавская – слава России!

Наказ

В гордом ратном блеске,
Солнцем – на груди
Александр Невский
С ордена глядит

На дела потомков —
Добрые дела,
И звучат негромко
Мудрые слова:

«Не сломить наш народ
Никакой вражьей силе.
Кто с мечом к нам придёт,
От меча и погибнет!».

Пронеслась над нами
Страшная война.
Сбереги же, память,
Павших имена.

Сбереги с любовью
Скошенных в бою,
Отстоявших кровью
Родину свою.

«Не сломить наш народ
Никакой вражьей силе.
Кто с мечом к нам придёт,
От меча и погибнет!».

Сквозь весны звучанье,
Сквозь напев грачей
Слышится бряцанье
Атомных мечей.

Всей душой мы в мире,
Но пока для нас
Остаётся в силе
Прадедов наказ:

«Не сломить наш народ
Никакой вражьей силе.
Кто с мечом к нам придёт,
От меча и погибнет!»

Война

Война ходила по сердцам,
Как горькое пророчество,
И оставляла пацанам
В наследство только отчество.

К мальчишкам приходил во сне,
Отец совсем не виденный,
Делились с ним наедине
Последними обидами.

Но жизнь вела отсчёт годов,
И одиночки-матери,
Чтоб сделать из сынов отцов,
До дна себя растратили.

Росли в бараках крепьши
И вкладывали гордые
В любое дело злость души,
Чтоб стать отцами добрыми

Мир

Оторвала крестьянина война
От дома, от земли, труда и веры,
Давно отгрохотала, но слышна
В судьбе потомков, в семьях офицеров.

Расправит ли над нами крылья Мир,
Над утомленной стрельбищами Русью?
Чтоб навсегда военный сняв мундир,
Крестьянский сын к земле опять вернулся.

Послевоенная ёлка

Ещё в очередях стояли разных,
И номера синели на руке...
Решил нам ЖЭК на Новогодний праздник
Устроить ёлку в Красном уголке.

В вельветках, в перешитых гимнастёрках
В украшенном подвале детвора
Кружилась изумленная у ёлки,
Вокруг на ней висящего шара.

Хоть дома ждал нас рыбий жир аптечный —
Единственный в то время витамин, —
Детей мы африканских так сердечно
Жалели и сочувствовали им.

Несытым нам прибавил праздник силы,
В сердцах зажёл цветные огоньки.
С собой мы веру в завтра уносили,
С подарками бумажные кульки.

Старый двор

Что тянет так меня в мой старый двор?
Тот рай мой коммунальный – в пепелище.
Домов высотных каменный забор
Всё схоронил, но сердце что-то ищет.
С тем братством, с той барачной простотой
Что сделалось – никто уже не скажет.
Душевность, оказавшись сиротой,
Растоптана толпой многоэтажек.
Так почему ж порой в полубреду
Я в дворике оказываюсь снова?
Я здесь, наверно, встречи с детством жду,
Как ждали Воскресения Христова.

На кладбище

Там, где всегда не шумно и не людно,
Где скорь сама смыкает всем уста,
Где сон уже последний беспробудный,
Под праздник наступает суета.
Так хлопотно: мелькают вёдра, лейки,
А кисти машут весело, кажись,
И даже об ушедших сожалея,
Сегодня здесь, конечно, правит жизнь.
Листва дымится, собранная в кучи,
Свеж резкий запах крашенных оград,
И как души нетленной чьей-то лучик,
Анютины глаза на мир глядят.
Едва обжив приют пятиэтажек,
Полуподвалов мрак сырой кляня,
С огромным трудовым, бедовым стажем
Сюда переселилася родня.
И вместо новоселья вечность длится,
Перед которой суетность странна.
Так незнакомы молодые лица —
Знакомы так на плитах имена.

Защитники Отечества

Который раз Отечество – в опасности,
Хоть у границы не стоят враги.
Неверия, апатии, неясности
Расходятся по всей стране круги.
Границами, ресурсами и гордостью
Скукожена великая страна.
Без гимна пребывала, как без голоса,
Как в смутные иные времена.
Не потерявших честь, страну не грабящих,
Дающих свой посильный честный труд
И строящих упорно день наш завтрашний
Защитником Отечества зовут!

Пятачок в Измайлово

Что за наважденье —
С неба что ли пенье?
Чистые девичьи голоса.
Подойдя поближе,
С удивленьем вижу:
То поют старушки – чудеса!

Сам себе смекаю:
Видимо, снимают
В парке про ушедший век кино.
Ах! Какие тексты
Песен были в детстве —
Как же я не слышал их давно!

Но – куда всё проще:
Вечерами в роще
Вместе собираются они
Те, кто нас спасали,
Те, кого списали
Вместе с биографией страны.

На экранах – страхи,
Банки, олигархи,
Улицы разбитых фонарей...
Новые герои
Память нам зареют,
Чтоб забыть о предках поскорей.

Бывшим комсомолкам
На заводах, стройках
Выпало с лихвой всего в судьбе.
Душами богаты
Старые девчата
Дарят юность песнями себе.

23 февраля

Престольный Праздник Армии Союза
Отметит ли растленная страна?
Чтоб ратник стал Отечеству обузой...
Припомнить ли такие времена!
Когда солдат бездомен и унижен,
Кому, как не противникам, с руки.
Под лай парламентариев бесстыжих
В цветочницы идут призывники.
Посеявший великий дух растленья,
Однажды покарается огнем:
Мы вырастим такое поколенье,
Которое не защитит свой дом.
Не меркнет слава русского солдата,
Чьим подвигом не раз мы спасены,
Пусть будет память о деяньях свята
Всех поколений Армии страны!

Соратники

Со всей страной идём сквозь горести,
Но мы сумели уберечь
И щит незамутнённой совести,
И чести неподкупной меч.
Звереет чёрная армада,
На нас бросая клевету.
Мы – как последние атланты
У Атлантиды на посту.
И чем богат, на праздник даришь
Внимание, пожатые рук.
И слово доброе ТОВАРИЩ —
Для нас совсем не праздный звук!

Встреча ветеранов

А этого помнишь? —

– Ну, как же, ну как же!

А этого тоже? —

... простились вчера...

У каждого – внуки и правнуки даже,

Наверное, всем на покой нам пора.

У каждого – сотни историй в запасе:

Про войны и будни,

Геройство и труд.

О подвигах жизни – простой и прекрасной —

На всех перекрёстках они не поют.

Мелькают в рассказах названия и страны.

И, кажется, нет прокатившихся лет:

Сошлись, как старейшин союз, ветераны

И держат по трудной проблеме совет.

Что было – то было.

Что случилось – то случилось.

Конечно, обидно: цена нынче – грош

Делам и заслугам, что в прошлом остались.

Но как нам сберечь для страны молодёжь?!

Как нам воспитать патриотов отважных —

Одна у нас общая Родина-мать,

Чтоб вновь потянулись к профессиям важным,

Которые учат свой дом защищать.

Мы «бывшими» в жизни Отчизны не будем.

Ещё поживём, повоюем, Бог даст!

Друг другу свои телефоны диктуем,

А также ... рецепты полезных лекарств.

Планета комсомол

Когда так сильно ранена Отчизна,
Когда быть патриотом не престижно,
Когда в умах безверия пожар,
Находится в рядах прямой и дерзкий —
Упавшее подхватывает древко

И поднимает знамя комиссар.
И не для демонстраций, не для славы,
А оставаясь лидером по праву,
Когда иные спрятались в комфорт,
Характер свой настойчивый сибирский,
Не разменяв на доллары и виски,
Как прежде, комиссар идёт вперёд.

В нём дух горячей юности не стынет.
Традиции и прежние святыни
Над нами развевает, словно флаг.
Как щит и меч – залог чекистской чести —
Он призывает всех держаться вместе,
Как пальцы собирая нас в кулак.

Когда уже страны на карте нету,
И разбрелись атланты все по свету,
Он силы в себе новые нашёл:
Наш комиссар нам юность возвращает
И сердцем своим искренним вращает
Планету под названьем Комсомол!

Сомнение

Где нет сомненья – истина непрочна.
Где нет борьбы – победа несладка.
И ценят те частенько непорочность,
Которые в душе не без греха.

Наша Победа

Прославили барды,
Воспели поэты,
Несут имена их века —
Воителей прошлого блеск и победы,
Романтику пуль и штыка.

Суворов, и Цезарь, и Македонский,
Помпей, Ганнибал, Бонапарт —
По странам чужим провели они войско,
Как завоеваний парад.

Но нету в истории выше Победы,
Где был победитель Народ,
За мир на Земле став по праву в ответе,
Добра и отваги оплот.

Страна и свобода даны нам в наследство
С высокой и горькой ценой.
Равнение – на знамя! На знамя Победы!
И нет высоты нам иной!

Ощущенье

Сладкое детство, сколько чудес
Нам оживить хотелось бы:
Реи молочные, сказочный лес
И берега кисельные.

Минули годы с несытым житьём —
В завтра глядим без опаски.
Вдоволь теперь молока с киселём —
Нет ощущения сказки.

Победители и наследники

Опять справляем светлый день Победы!
И песни задушевные звучат.
Не братья, не отцы, а только деды
В шеренге, поредевшей так, стоят.

Мы чтим всем сердцем тяжкий труд Ваш бранный —
Последним в жизни стать мог каждый бой.
Победы дети – сами ветераны
Локальных неизвестных миру войн.

Победу подарили нам в наследство,
Свободную державу и покой.
Но государства нет того на месте,
Страны победной больше нет такой.

Пытается фашист новорождённый
Войны итоги перевернуть везде.
На Западе жирует побеждённый,
А Победитель наш живёт в нужде.

И что-то власть, примазываясь, ищет
В Победе той – своих-то нет побед —
Помпезно тратит крупные денжищи:
Их ветеранам бы – на много лет.

На обществе не заживают раны,
Когда не воздают, а подают.
Ещё есть в коммуналках ветераны,
И во дворцах жирует новый люд.

Ваш подвиг никогда не канет в Лету,
И нам он в жизни выстоять помог.
Седые мы, наследники Победы,
Лишь памятью отдать Вам можем долг.

Год Болгарии в России

Не ради славы и регалий
Не раз спасли вас от врагов.
Ах, где же вы теперь, другари?
Не видно ваших берегов.

Европа держит вас, как мушку,
Беря Россию на прицел.
Куда путь держите, братушки?
В войне никто не будет цел.

Потомкам Пушкина и Вазова
«Пророк славянский» дал ответ,
Что все мы – братья Карамазовы,
Согласья между нами нет.

Над нами в этот век жестокий
Пролился охлажденья дождь.
Большой Истории уроки
Не помнит нынче молодёжь.

А в перестроечном угаре
Союз разрушив поскорей,
Российские демкомиссары
Немало кинули друзей.

И, видя новые распятыя,
Не помышляя предавать,
Иные бросились в объятья
Чужие, чтобы выживать.

Едины общими корнями.
Должны друг другу помогать,
Чтоб старый возглас: «Гей, славяне!» —
Над нами прозвучал опять!

Романс

О, Женщина, в тебе – такая власть!
Но ты сама её не знаешь меры:
Ты можешь дать подняться и упасть,
И обрести и вновь утратить веру.

Ты истинна в поступках иль словах,
В ничтожных буднях иль в мгновенья славы?
«Ты – Женщина, и этим ты права»
И правишь мирозданием по праву.
Уму научишь и сведёшь с ума.
И в нежности и в гневе так прекрасна!
И с горечью осознаёшь сама:
Весь мир – у ног, но власть твоя напрасна...

Татьянин день

Народ наш – почитатель постоянный,
Он в это имя чудное влюблѐн:
Особо отмечает День Татьянин,
Как будто в мире нет иных имѐн.

Студенты, распевая песни рьяно,
В традициях, что свято мы храним,
Считают безусловно День Татьянин
Наипервейшим праздником своим.

И гений наш, подслушав дух народный,
На День Татьянин закрутил сюжет
В своем произведении – не нарочно ль? —
Чтоб мучился Онегин двести лет.

Живет в нас этот идеал прекрасный,
Как не забытый с детских лет родник.
И любим то в своих любимых разных,
Что их с Татьяной пушкинской роднит!

У роддома

Мне стыдно за важность зелёных мужей
И стыдно среди них за себя,
За тех, кто, на первом сойдясь этаже,
Гордыню свою теребят.

Стоят, сигаретами смачно смоля,
Успехом хвалясь «на заказ».
Об этом они не трепались бы зря,
Когда бы родили хоть раз.

Родитель лишь тот, кто ребенка родит,
Всю боль испытавшая мать,
И звание то же отцу предстоит
Всей жизнью своей доказать.

А жёны с улыбкой подходят к окну,
Считая до выписки дни,
Прощают мужьям милосердно вину,
Которой не знают они.

СЫН

Ладный сын растет и крепкий,
И красив он, и пригож,
И на всех, пожалуй, предков
Понемножечку похож:
Папин нос, улыбка мамы,
Волосами – чистый дед.
Каждый день мы открываем
Несколько родных примет.
Наши глазки, губы, мочки
Я с любовью узнаю...
Только голову, сыночек,
Ты имей всегда свою.

Радость

Ни секунды нет покоя,
Заведёнными живём:
Полоскает, варит, моет
Круглосуточно наш дом.
По ночам как Ваньки-встаньки,
Поднимаемся на зов,
Смотрим зубки беспрестанно:
Не прорезались ли вновь?
Проглотив поспешно завтрак,
Вылетаем из дверей.
И с работы, запыхавшись,
Возвращаемся скорей.
Был пустым наш день вчерашний
Без таких забот в семье...
Что нас радовало раньше?
Чем мы жили на земле?

Усталость

Как светла твоя усталость
В тусклом отблеске луны...
Ты опять до света встала,
Отмахнув мгновенно сны.

Не пойму, какая сила
Не дает тебе упасть!
Столько в день свой ты вместила
Дел, что их не сосчитать!

Режут лоб бессонниц складки,
Не узнать красивых рук,
...Улыбнётся сын в кроватке
Оправданьем этих мук.

Песня о Салтыковке

Падает снег в Салтыковке —
Снова бушует зима.
Делаем мы остановку
Здесь, позабыв про дела.
По посветлевшему лесу
Заворожённо идём.
Дарят снежинки нам песню
Всю в кружевах о своём.

Не схоронясь от погони,
Беглая речка – во льду.
Слипшийся с удочкой сонной
Мёрзнет рыбак на пруду.
Но несмотря на морозы,
И не умолк, и не сник
Между корнями берёзы
Чистый целебный родник.

Как же прекрасно по лесу,
Будней прервав бурный бег,
С сыном впасть в милое детство,
Падая с хохотом в снег!
Радость вкусить, как сосульку,
В эту входя красоту,
Сбросить короткой прогулкой
С нервов своих суету.

Падает снег в Салтыковке —
Снова бушует зима.
Как на открытке заморской,
Окна горят в теремах.
Три остановки привычных
Быстро мелькнут за окном:
Нас привези, электричка,
Снова сюда с ветерком!

Подруга

У меня подруга —
Серые глаза,
Ласковые руки,
Вьются волоса.

Вместе мы гуляем.
Интересней нет —
Я-то точно знаю —
Наших с ней бесед.

Чувства свои, мысли
Мастерским мазком
Закрепляет кистью,
Я – своим стихом.

Знаний её кладезь —
Космос, целый мир.
С ней общенье – радость
И для сердца пир.

Фантазёры оба —
Любим помечтать.
На обоих скромная
Гения печать.

Родственные души
Поселились в нас.
Слушал бы и слушал
Я её рассказ.

Многому научит,
Дельный даст совет.
Ведь подруга – внучка,
Ей уже пять лет!

Внук

Вдали от наших зим и вьюг
Родился внук, родился внук.
Нам расстоянья не унять,
А так хотелось бы обнять,
Погладить нежно, рассмотреть,
Черты родни всей разглядеть.
Расти, малыш, расти большой
Да с нашей доброю душой.
В семье ты нашей – пионер.
И мама с папой в том пример:
Расстались с Родиной своей
Для лучшей участи твоей.
Да будут святы их труды,
Чтоб достигал ты высоты.
И там, на дальней стороне,
Ты честью верен будь родне!

Свидание в больнице

Пришла, примчалась, зову сердца
Отдавшись, как младым страстям,
И принесла кусочек детства,
К душевным приложив вестям.
Такой нечаянный подарок
Необязательный... но в цвет,
Как будто слившись полушарья
Опять возобновили свет.
Прощаясь грустно, вдоль забора
По разным сторонам идём
И продолженье разговора
Уже наедине ведём.
Прости за всё, моя отрада!
И радость брызнет пусть из глаз,
Что не могильная ограда
Нас разделяет в этот раз...

Смятенье

Всё суета сует... но наконец
Пришли мы снова в шумный наш дворец.
Но в залах так знакомого дворца —
Ни одного знакомого лица.

В смятении я: ах, сколько ж бурь и лет
Прошло, что стёрся окруженья след?
Ведь в этих залах юности моей
Так много было лиц моих друзей.

Что случилось с ними?
Что оборвалось?
Какой нас разделил анабиоз?
Ещё вчера здесь бились их сердца —
Ни одного знакомого лица.

Хоть седина заметна в зеркалах,
Ещё походка не вселяет страх.
Нет ощущенья близкого конца —
Ни одного знакомого лица.

Как будто время потерпело крах,
И мы теперь совсем в других мирах,
С судьбой смирились горькою слепца —
Ни одного знакомого лица.

Открыть это – как по сердцу плетъ.
Я б мог поверить в собственную смерть,
Но с Жизнью обручальное кольцо —
Моей любимой сердце и лицо!

Подруги

Есть женщины в нынешней жизни
С особым стремленьем вперёд:
Такая не то что бы в избу —
В горящий реактор войдёт.

Летит, отработав трёхсменку:
На службе, с детьми, у плиты.
Она ещё как-то умеет
Себя в этой жизни найти.

С таким-то нагруженным возом,
С обилием дел и оков
Её статистический возраст
Повыше, чем у мужиков.
Прекрасные наши подруги
Тепло нам несут и уют,
Хоть *«За бытовые заслуги»*
Медали для них не куют!

Волшебницы

Вы терпите все прелести супружества,
Где год за три дают, как на войне.
Но вот, опять от вас потребно мужество —
Как вор, гуляет кризис по стране.

Он ценники украл, что были прежде,
Нули добавил подлюю рукой.
Но главное – опять украл надежду
На мир в душе, стабильность и покой.

Но март вступает в силу: солнце брызнет,
А там – глядишь – и почечный Апрель.
И вам опять о новой, лучшей жизни
Соврёт неугомонная капель!

Сказ о тульском самоваре

Дышит кузница – калёное жерло,
На округу высыпая весело
Звон булата, пламя, искры, жаркий пар...
Здесь когда-то сочинили самовар.

Обнаженные до пояса, в поту
Мастера черны, как грешники в аду.
От огня у них прищурены глаза.
И прихвачены бечёвкой волоса.

Поколения сменялись у печей.
Много было тут отковано мечей.
Тем оружием перебита тьма врагов —
В дни победы чтут и скромных мастеров.

В наковальном звоне – будущего песнь:
Плуг, подкова и коса рождались здесь.
Мыслей смелость, а затем упорный труд
Людям пользу, славу мастеру дают.

На рождение его ушли года.
Много сметки было вложено, труда.
Полюбили на Руси и мал, и стар
Чудодейный медный тульский самовар.

Покорил затем заморскую он даль.
Каждый царь цеплял на грудь ему медаль.
Он пузатым и таким важнецким стал,
Словно самый настоящий генерал.

Вот – стоит он меднолоб и крутобок,
С толстой шеей да, пожалуй, кривоног.
Закипает, будто в пляс сейчас пойдет,
Зазывая чашки в звонкий хоровод.

Пофырчит, потом присвистнет, пустит пар —
Ну, ей-богу, раззадоренный гусар.
Самовара дружелюбное тепло
Будит в сердце доброту, смягчает зло.

Гордо выставив вперед свой краник-нос,
Наш туляк встает на жостовский поднос
И, воркуя изнутри, лосня свой бок,
Льет крутой и ароматный кипяток.

Тяжким потом и смекалкой удалось
Сочинить затем и первый паровоз.
И ракете, что готовится на старт,
Самовар – известно – тоже старший брат.

Этой строчкой немудреной дань воздам
Всем известным и безвестным мастерам,
Тем, кто терем променяв на неуют,
День наш завтрашний без устали куют.

Память

На свою мне память
Жаловаться грех:
Она тверда, как камень,
Крепка, как орех.
Ни силой и ни чудом
Не вскрыть её врагу:
Частенько сам дотуда
Добраться не могу.

Лубочная картинка

По Зарядью, по Зарядью
Скоморошный люд идёт.
В колпаке атласном дядька
Скачет, пляшет и поёт:

«Как в корзинке Якова
Есть товару всякого», —
Из кошёлки достаёт
Прямо... целый огород.

Позвонит бубенчиком —
Соберёт копеечки,
С мишкою поборется —
Весь народ уморится.

Пятерню пристроит важным гребешком.
Шею вытянув, пройдётся петушком,
Он поквохчет, резво вскочит на крыльцо,
На протянутой ладони – вдруг яйцо.

Колесом идет, сложившись, как калач, —
Восхищаются мальчата: «Во, ловкач!»
И, усевшись, как на троне, на бревне,
Так же царственно воскликнет: «Чарку мне!»

Выпьет бражки-медовухи черпачок
И по кругу понесётся, как волчок.
Пляшет бешено – по швам трещат портки,
И дробушку выбивают каблуки.

А подручный на свирельке свиристит
И в сопелочку, приставив нос, свистит,
Наливаясь спелой свеклой изнутри,
Надувает щеки, словно пузыри.

Знать, «нечистая» – помощница в делах,
Коль у них вдруг оживает и метла.
На шапчонке пляшут звонко бубенцы,
Власть хохочут и миряне, и купцы,

А народ умеет страсти разжигать,
Бросишь искорку – огня не удержать:
Городской, селянин, поп да всякий сброд,
Сбросив шапки, затянулись в хоровод.

Кушаки уж распоясаны давно,
Топчут площадь, как по осени гумно,
Входят в пляс, рванув рубаху, чтоб в бреду
Хоть на час забыть про лихо да беду.

Ты, жалейка залихватская, играй,
Ты играй, родная, да не уставай,
И, покуда с хрипотцою ты поёшь,
Этот мир на сказку дедову похож.

Наплясались всласть, аж в коликах живот.
По лицу течёт веселья сладкий пот.
Ух, намаялись, натешились до слёз,
А теперь копейку в шапку брось.

Скоморошья доля вовсе нелегка...
Уходили с площадей они в века
Мимо сруба, мимо царского дворца
Под проклятия святого чернеца.

Скоморохами их нынче не зовут,
Не телеги – самолёты их везут.
Величает их народными народ,
Ремесло их с новой силою цветёт!

Родник

Говорят: в лесу дремучем,
У горы, под самой кручей,
За поляною глухой
Бьёт издревле ключ гремучий,
Ключ с целебной водой.

Преподобный Отче Сергей
В том далёком древнем веке
С божьей помощью открыл
Это чудо человеку
Для возврата прежних сил.

И с молитвою в дорогу
Издалёка люд убогий,
Всякий хворый и больной
Сквозь века, леса и горы
С легкой торбой, тяжким горем —
За водицею святой.

И несёт молва по свету,
Что целебней места нету,
Чем чудесный тот родник.
Вот и мне бы к водам этим —
Я бы сердцем к ним приник.

Но порою вдруг неожиданно,
Как бальзам на наши раны,
Где-то рядом – не в глуши
Кто-то щедро открывает
Золотой родник души!

Восьмое чудо

Семь чудес известно людям,
Знаменитых семь чудес.
Но еще восьмое чудо,
Несомненно, в мире есть.

Это, может быть, простая,
Может, с вычуром, резная,
С неперменной теснотой,
Раскаленная, взрывная
Баня русская с парной.

Чем-то с кузницею схожа:
Словно горн, пылает печь...
Здесь любой, наверно, сможет
Сразу тонну сбросить с плеч.

Для начала – все в парилку,
На полок, как на алтарь.
Вот озноб прошел по спинам,
За ознобом – сладкий жар.

Рвутся залпами поддачи,
По ступенькам стон прошёл,
Как свистящий хлыст, горячий
Жар бросает всех на пол.

Встали, ну теперь за дело,
Вот теперь парок как раз,
Ах, какая перестрелка,
Перепевка, перепляс!

Смех, подколки, прибаутки —
Расписная, в общем, речь,
Будто дедовские шутки
Тайно выдохнула печь.

Рубятся, без крови сеча,
Парни дышат горячо.
Шутники, сгибая плечи,
Прохрипят: «Поддай ещё!»

Вылетают, как чумные,
Опаленные парной,
Без стаканчика хмельные,
Шелковые, как руно.

В простынях, как в тогах, гордо
Восседают на скамьях.
Тут горят такие споры —
Что там твой ареопаг!

На душе покой и лёгкость,
И движения легки.
Может, вправду банным богом
Отпускаются грехи?

И поскольку вдруг такая
Благодать сошла на всех,
Раздобревши, отпускаешь
И чужой учтённый грех.

Семь чудес – чужие песни —
Всяк ли знает? Расспроси.
А вот баня – та известна
За пределами Руси.

Совет

Жену с любовницей не спутай.
Значку вдруг не объяви,
Но, в мелочах являя мудрость,
Чужую жизнь не проживи.

Галерея Шилова

Идём по галерее Шилова,
Неся, как груз, свой непокой
Вослед за золотою жилою,
Открытой Мастера рукой.

Но постепенно состоянье
Внутри меняется от чар.
Музей – эпохи достоянье,
Художника бесценный дар.

Сияют золотые рамы,
Звучанье арфы в тишине, —
Приходит ощущение Храма
И причащения ко мне.

Здесь целый мир в картинах создан,
И он уж сам собой живёт:
На миг застыли в разных позах
Друзья, отвлѣкшись от забот.

В полотнах – для потомков вести:
В палитре, в глубине мазков.
Художник пишет труд, как Нестор,
Свой день – для будущих веков.

С портретом вряд ли что сравнится
По силе чувства и ума.
И, оживая в разных лицах,
Глядит История сама.

Парадность с лирикой в соседстве,
И верность классике письма —
В работах дивных без эстетства
Царит эстетика сама.

Не повторяясь, подкупают
И простота, и хитреца,
Но в каждом лике проступают
Глаза души и труд Творца.

Вот – бабка с горечью обиды:
«Не пишут», – это ль не беда?
Вот – «Ветеран», людьми забытый,
Отдавший подвигу года.

Актёры, мудрецы, поэты,
Духовных лиц глубокий взгляд,
Пейзажей широта – всё это
Запечатлённый жизни ряд.

То тихой добротой, то грозами
До сердца достают глаза.
Бывает так: иные образы
Волнуют дух, как образа.

Гляжу на них и в чём-то каюсь,
Обременённый суетой.
И, будто, грех мне отпускает
С картин невидимый святой.

Смеются лица здесь и плачут,
Живут под тяжестью креста.
И льётся музыка «Скрипачки»,
Звуча палитрою, с холста.

Глядишь – и сам вот-вот заплачу:
Таков он очищенья миг!
И уйду я, став богаче,
Приобретя здесь целый мир.

Картина Кустодиева

С Яузских горок Солянки,
Как на картине, жива
Мчалась зимою на санках
Юная наша Москва.

На Рождество и Крещенье
Сыпал на волю народ.
Масленица всех угощеньем
Щедрым вела в хоровод.

В день же особый Татьянин —
Игры и смех до утра.
Где ты, былая Солянка?
Где золотая пора?

Островом духа бывшего
Уж не Татьянин ли дом?
С чувством тепла озорного
Мы в этом доме живём.

Нет тех девчонок с лукошком —
Век XXI увы!
Но вот мелькнёт вдруг в окошке
Молодость нашей Москвы.

Чудо

Говорят чудес не стало
В наш учёный трезвый век.
Необычного так мало
Видит нынче человек.
Но вчера, презрев законы,
Жизнь преподнесла урок:
Чудо – долг отдал знакомый
Полностью и точно в срок.

Картина Рембрандта

На излёте растроченных сил,
Жизнью выстрадав эту картину,
Он у предков прощенья просил
«Возвращением блудного сына».

Испытавший немало, слепой,
Сердцем всех окружающих зорче,
Прижимается к сыну душой
Со смиреньем прощающий Отче.

Не свожу с сына блудного взгляд —
Не сыграешь с собою ведь в прятки —
Стыдно мне: не мои ли горят
На холсте непутёвые пятки?

В степь умчался за ветром джигит.
Стонет песня седого акына.
Мать слепая очаг сторожит,
Ожидая заблудшего сына.

Князя Игоря горький поход,
Про искателей счастья былины —
В них сюжет этот вечный живёт:
Возвращение блудного сына.

Жизнь водой испытала, огнём,
Медью труб, а в награду – седины.
И теперь уже сами мы ждём
У порога любимого сына.

Дал нам душу и веру, и плоть,
Только мы промотали святыни.
Ждёт опять терпеливо Господь
Возвращения блудного сына...

Птичий рынок

Среди всевозможных причуд, аномалий столичных
Едва ли не самое редкое – рынок наш Птичий.
Автобус, троллейбус, маршрутка, кренясь непривычно,
Подвозят без усталы жаждущих массы на Птичий.

У рынка в поту постовой заводной спозаранку
Машины едва успевают кидать по стоянкам.
Битком подъезжает к платформе сюда электричка:
– Куда вы, ребята?
– На рынок, конечно, на Птичий!

Трамвай еле-еле, толпу раздвигая, со звоном
Идёт мимо рынка и смотрит сам заворожённо
На банки, коробочки, клетки, тележки, корзинки,
Которые в чьих-то руках устремляются к рынку.

Неся ожидание хрупкое, как с мёдом крынку,
Ты в общем заряде толпы электрической – к рынку.
Ворота малы, словно клювик распахнутый птичий,
Толпу, как червя, извивая, выпускают на Птичий.

Потоки людей и торговых рядов лабиринты
Двенадцатиперстным маршрутом ведут нас по рынку.
В подводное царство попав без билета и визы,
Аквариум каждый смотреть можно, как телевизор.

Хваля витаминность червей, коих просто навалом,
Как будто из глубы веков голоса зазывалы.
Глядит попугай на людей и молчит очень гордо.
Щенята скулят, из-за пазухи высунув морды.

И слёзы в ответ им мальчишка зарёванный мажет,
И, взятый врасплох, лезет папа в заветный бумажник.
Каких голубей только нет: и монах, и сизарка.
Могли б позавидовать видам иным зоопарки.

Поют канарейки, рассыпавшись бисером мелким.
И крутят колеса привычно и каторжно белки.
Историй охотничьих сотню узнаешь здесь сразу,
Мюнхаузен бы лопнул, услышав иные рассказы.

При хаосе внешнем – законы блюдет свои Птичий.
И чувствует чутко поступок иной неэтичный.
Что тянет сюда тех, кто стерпит и холод и давку?
– Не ради ж того, чтобы сделать высокую ставку!

Здесь праздничный шум,
Как на ярмарках прошлого века —
Их так не хватает, наверно, теперь человеку!

Уносимые ветром

Нас уносит ветер перемен
В новые края и состоянья.
Будет ли удача нам взамен?
Главное – чтоб не было стоянья.

С детства будоражат нам умы
Подвиги Синдбада, Магеллана!
А на что способны в жизни мы:
Со штормами справится ль команда?

Засветил созвездья Новый год:
Капитанам – точные приметы.
В новое, влекомое – вперёд!
Курс – на цель, а нос держать по ветру.

Пустыня

От нападения застыл я.
Твержу себе: «Будь молодцом!»
Бросает жар в меня пустыня,
Как клевету в лицо.

От ветра злого, пыли мутной
Пытаюсь спрятать свой испуг.
И откровенно – неуютно,
Но рядом – друг.

Но надо, надо побеждать.
Огнём – со лба испарина.
Пустыня, нет, не запугать
Российского татарина!

Афганистан

Сюда привёл нас пролетарский долг,
Долг сердца и души – раз другу трудно,
Мы покидаем праздничный свой дом,
Чтоб окунуться в боевые будни.
Афганистан – ближайший наш сосед —
Мы делим твои трудности по-братски.
Моя страна хлебнула много бед —
Нелёгкок долгий путь её солдатский.
Гренада помнит молодых ребят —
Отцы там наши воевали вместе.
Мы продолжаем песнь интербригад,
Свободы мира продолжаем песню.
Настанет срок – вернёмся мы домой,
Чтоб на своих любимых наглядеться,
Но каждый унесёт в душе с собой
Частичку его раненного сердца.

Воздушный змей

Над Кабулом – флот воздушный:
За лоскутиком лоскут,
Детворы афганской души
Полям маковым цветут.

В небеса взмывает косо
Змей воздушный – волшебство.
Он меня с собой уносит
В небо детства моего.

В небо выжившей надежды,
Голубятен, сорванцов,
Утопающих в одеждах
Старших братьев и отцов.

Змей, как счастья кораблик,
В волнах памяти моей,
Он на смену дирижаблей
Занял небо мирных дней.

Ниткой палец мой до боли
Дёргал, нервно трепеща,
Он тащил ребят на волю
Из бараков и общаг.

Мы окрепли, вышли в люди.
Встала на ноги страна.
Лишь в салютах – гром орудий,
На экране лишь – война.

Змей воздушный над Кабулом
Запускает детвора —
Неприменно значит будет
Здесь счастливая пора!

Машина времени

Какой машиной времени,
За грех какой назло
Меня в эпоху древнюю
Внезапно занесло?

Здесь полусонно царствует
Четырнадцатый век:
От человека кастами
Отрезан человек.

Дуканщики – в почёте,
Дехкане – тягло, скот.
С тех и других налёгчик
Дань с лёгкостью берёт.

На стенах – сабли, ружья
Всегда готовы в бой.
Считаются заслугой
Нажива и разбой.

Подсчитывают прямо
Потери у врагов
Ушами и ноздрями,
А у себя стволами

Погибших земляков.
Оборванные дети
Босые и в мороз.
Нигде на белом свете

Нет столько женских слёз.
Верни, машина времени,
К родимому огню.
Свою отчизну бережно
По праву оценю!

Оберега

В избе с матицей дубовой —
Пращуров опека —
Охраняла мир любовно
Птица Оберега.

Сберегала свет в светёлке,
Чудо богомаза,
Ямщика в степи от волка
И детей от сглаза.

На войне, на неизвестной,
Там, где крови реки,
Ты рождала мои песни,
Птица Оберега.

Утоляла мою жажду.
Сердцем карауля,
Ты спасала не однажды
От душманской пули.

Очага тепло хранила
Над больным ребёнком.
Посылала в письмах силу
Из родной сторонки.

Моя сила, моя вера,
И любовь, и нега!
За разлукой – милый берег —
Птица Оберега.

За боевые заслуги

День торжества, а на сердце – печаль,
Будто проснулись недуги,
Хоть и вручили сегодня медаль
«За боевые заслуги».

Вспомнился и раскалённый металл,
Злая песчаная выюга.
За пережитое время медаль
«За боевые заслуги».

Были обстрелы. Дымился дувал.
Мы и не ждали покоя.
Может, и я в сердца попадал
Изредка... меткой строкою.

Дней этих тягостных труд и печаль
Честно делили мы с другом.
С ним бы по праву делить и медаль
«За боевые заслуги».

Ну, а любимая! Сколько же сил
Нужно ей было в разлуке!
Вот кто геройски медаль заслужил
«За боевые заслуги»!

Родина

Всегда казался маленьким мой дом —
Теперь он стал огромным вдруг казаться
Наверно, потому, что уместились в нём
Вся Родина и мирных дней богатство.

Афганская боль

А было все: и фронтовое братство,
И слезы жён, и письма от детей,
И похоронок стук в окошки адский,
Любовь впервые – к Родине своей.
И гордость за военные награды,
Уверенность, что, исполняя долг,
Ты воевал за Истину и Правду
И сделал без оглядки всё, что мог.
Меня героем мнившему сынишке
Как объяснить, что не моя вина:
Когда погибли по приказу тыщи,
Неправедной объявлена война...

Заряд

Как очередь неровная,
Рождается строка.
Она ещё бескровная
И слабая пока.

Ещё ей надо сердца
И капельку ума,
Щепотку соли, перца,
Стреляла чтоб сама.

Но выстрелами строчек
Не рассыпают смерть:
Хочу я ими очень
Сердца друзей согреть.

Стрелок я и наводчик,
Во мне зарядом – страсть:
Хочу я меткой строчкой
В сердца врагов попасть.

20 лет вывода войск

День ухода из Афганистана,
Вроде как, отметила страна
На полупризнаньи даты странной...
Двадцать лет, как кончилась война.

Помню я: был молодым солдатом,
Отмечала юбилей страна
На подъёме – год шестьдесят пятый —
Двадцать лет, как кончилась Война!

В этот срок так много уместилось:
Мирный атом, космос, целина...
Набрала держава вес и силу —
Двадцать лет, как кончилась Война.

И в почёте были ветераны,
На слуху – героев имена.
В кинофильмах, книгах – труд их ратный:
Двадцать лет, как кончилась Война.

Ветеранам брошенным Афгана
Выпала совсем другая страсть:
«Мы вас на войну не посылали», —
Объявила новая демвласть.

Трижды нас обобрала до нитки —
Нет, не для народа эта власть! —
С фомкою законов новых клика
Научилась только ловко красть.

И звучат заигрыванья речи,
Что, мол, долг исполнили сполна...
Ваша ложь нам раны не залечит.
Двадцать лет... Не кончилась война.

Герои «Альфы»

Погибли парни легендарной «Альфы» —
Об этом не услышала страна.
Их вдовы безутешные оплачут.
И плиты их запомнят на имена.

Наверное, давно живём мы в «зоне»,
Когда в верхах – понятия и бедлам:
О смерти главаря воров в законе
По всем каналам возвестили нам.

Блатная пресса, грязный телеящик
Бандита описали славный путь.
Вот кто герой для юных настоящий.
А в будущем какая ждёт их жуть?

По радио – про автомат игральный,
Про звёзд эстрады сплетен разных сто.
Вчера погибли три героя «Альфы» —
Об этом не узнал в стране никто.

Вечер песен

Каждый без зелья немножечко пьян —
Нынче мы песни поём под баян,
Русские песни, советские,
В прошлом такие известные!

Песни «Смуглянка», «Ромашки», «Мороз»...
Ну и слова! Прошибают до слёз.
«Поедем, красotka, кататься»,
«Гроздь душистой акации».

Вяжутся песни одна за другой —
Господи, пласт-то богатый какой!
Только в последние годы
Вывели песни из моды.

Вместо душевных и искренних слов
Слышим мы западный бешеный рёв.
Строй и культуру порушив,
Метят поганые в душу.

Как же богат был наш внутренний мир!
Пошлостью нынче заполнен эфир,
Чтоб от корней нас отрезать —
Занавес вот уж железный.

Предков заслуги не ставя ни в грош,
Песен не знает былых молодёжь.
Как покорённое знамя,
Песни уйдут вместе с нами.

Светел душой, переборами чист
В юность с собой нас ведёт баянист,
Труд его добрый и честный
Славят живые пусть песни!

Гитара

От горячих мавров
Сотни лет назад
Перешла кифара
На испанский лад.

Плакали канцоны,
Вальс кружился юн
Под её знакомые
Переборы струн.

Сквозь века и страны,
Зная её вкус,
Принесли цыгане
Звонкую на Русь.

Здесь стихи и стансы
Страстны и нежны
Вылились в романсы,
Коим нет цены.

Перебор частушек
До чего ж речист!
Трогает нам душу
Заводной артист.

Плещет птичьим граем
Мастерской рукой,
Будто сам играет
Иванов-Крамской.

Классиков эмоции
Нынче – для мобил.
Современных Моцартов
Кризис загубил.

Временем удары
Сердца не унять —
Старую гитару
Слушаем опять!

Портрет художника

Соблазну уступив задумки,
Страсть воплощенья не унять.
И носишь творческие муки,
Как ждущая ребёнка мать.

Эскизы, образы, наброски
И вариантов круговерть.
Как замысел загнать непросто
В одну единственную клеть.

Ах, кто бы знал, как труд сей долог
До появления лица:
Этюд, грунтовка, подмалёвок,
А дальше – пропись... без конца.

Кисть положить на холст безбрежный —
Как в океан пуститься вплавь.
Портрет, открыв однажды вежды,
Подскажет: «Там..., вот здесь поправь».

Уже тобой он верховодит,
Мазкам указывая путь,
Хотя конец, казалось, вот он:
«Ещё чуть-чуть, ещё чуть-чуть...»

Не отпускает от мольберта,
Не ведая, что кисть свело.
Картины – это те же дети,
И – расставаться тяжело.

Рождая их, роднишься с ними:
За каждым образом – судьба.
Ведут портретам счёт седины,
И – нимбом серебро у лба.

Удар последний. И усталость
Накатит вдруг свои валы.
Не надо ничего – лишь малость:
Хотя б словечко похвалы.

Не место человека красит —
Он может сам украсить жизнь.:
В картинах искренних – катарсис
И очищение от лжи.

Быть творчеством народу нужным
Не всяким выпадет в судьбе.
И держит Бог талантов души
Для высшей службы при себе.

Когда благообразны мысли,
И в сердце истины покой,
То водит вдохновенной кистью
Сам Бог трудящейся рукой.

Он через чистые творенья,
Наполнив светом их идей,
Шлёт на крылатом вдохновеньи
Свои посланья для людей.

Народу полон зал огромный:
Модели, критики, друзья.
И ты какой-то отрешённый
У Бога спросишь: «Уж ли я?!»

И принимая поздравленья,
Чечь воздавая небесам,
Работам истинную цену
Наверно, знаешь только сам...

Баянист

Виртуозна игра баяниста.
Но стеклянно застынет вдруг взгляд:
Вслед за музыкой дивною мысли
В край далёкий из зала летят.

Мастерство высочайшего класса
Прославляло служителя муз.
Но... оркестр однажды распался,
Как распался великий Союз.

Разорвались привычные звенья,
И душевный нарушен покой.
Жизнью брошен непризнанный гений
И уставшей от бедствий женой.

Подработки, по клубам мотанья —
Образ жизни вполне кочевой.
И в весёлой вдруг пьесе рыданья
Зазвенят музыкальной слезой.

Но спасает маэстро стихия —
Им придуманный песенный бал:
Целый вечер звучит ностальгия
По Парижу, где он не бывал.

Как во сне, он идёт по бульварам,
Где красотки призывно поют.
Музыкант, подпевая, в ударе
Не меха рвёт, а душу свою.

Взором внутренним смотрит он жадно
На кафешек парижских уют.
То не тувельки ли парижанки
Грациозно по клавишам бьют?

Он со страстью слепой наркомана
В мелодичном витает дыму.
И парижские гнутся каштаны.
Аплодируя кроной ему.

Отзвучит аргентинское танго,
Кумпарсида. И так загрустишь!
И поверишь, что нет, не напрасно
По маэстро скучает Париж.

Призвание

Весь мир уснул.
И лишь одни – в тревоге:
Сканируют судьбу детей в ночи
Избранники, что сопричастны Богу —
Родители, учителя, врачи.

Жизнь дали
И здоровье поддержали,
Смогли по буквам жизни научить
Достойные любви и подражания
Родители, учителя, врачи.

Оставят след горячих дней угары,
Расстроят сон вставанья по ночам.
А будет ли потомков благодарность
Родителям, учителям, врачам?

Такая жизнь —
Лишь только по призванью,
Когда душа не киснет на печи.
И держат вместе с Богом мирозданье
Родители, Учителя, Врачи!

Мудрость

Почему в изречениях мудрости – горечь?
Отчего в них, чеканных, вдруг слышится грусть?
Сколько истин рождалось в трагическом споре,
Чтобы их повторяли потом наизусть.

Как же сладкой ей быть,
Если мудрость – уроки
Чьих-то горьких ошибок,
Обидных потерь?
Как веселой ей быть,
Если в жизни жестокой
Мы не сразу находим заветную дверь?

Всем искателям истин —
И юным, и старым —
Отпускает ее без лимита казна.
Человечества мудрость – потомкам подарок,
За который заплачено в прошлом сполна.

Зависть

Однажды высочайшим приглашением
Отшельника ввели на царский двор.
И после небольшого угощения
Царь начал с посвящённым разговор:

«Довольствуетесь малым – аж завидно —
Святым житеём бежите от тщеты.»
В ответ монах: «Завидно мне, Правитель, —
Довольствуешься ещё меньшим ты.

Ведь мне принадлежат дороги, горы,
Сфер музыка и света волшебство,
Есть Бог в душе, а у тебя же кроме
Единственного царства – ничего.»

Метаморфоза

Я курс прошёл искусства обольщенья
У самого большого сатаны
Мне таинства чудес и превращений
Наставником заботливо даны.

Нечистая сыграла шутку сила —
Не устаю роптать, её кляня —
Ни разу никого не обольстил я,
Но обольщают запросто меня.

Жизнь

Пока мы копим призрачные силы,
Пока мы сомневаемся в себе,
Уже наверх нахальные пробились —
Наверное, им некогда робеть.

И критикуя нашу жизнь досужно,
Мы понимаем: что-то в ней не так.
Нахальные власть захватили дружно,
И бездари заняли там места.

Когда принять решение боимся,
Когда идём дорогою не той,
За то, что устремлений сторонимся,
Заплатим неисполненной мечтой.

Не мысля о себе высокой мерой,
Готовы гибнуть в праведном бою,
Но в силы свои страстно не поверив,
Не проживаем полно жизнь свою.

Учителя

Есть обычай на Востоке —
Почитать Учителей —
Сердобольных и жестоких
В доброте святой своей.

А Учитель – это каждый,
Кто тебе хоть что-то дал,
Уберёт от зла однажды,
Слово доброе сказал.

Поругал тебя когда-то,
В ложный миг остановил,
Воспитал в тебе солдата,
Не жалея сна и сил.

Потому и не на месте,
А вперёд летит Земля,
Что живут всегда на свете
Доброты Учителя.

Пестуют неблагодарных,
Глупых, дерзких, дорогих,
Не надеясь, что когда-то
Добрым словом вспомнят их.

Мой долг

Мои учителя – на том и этом свете.
Разыскиваю их, чтобы отдать свой долг,
Одним кладу цветы, другим несю конфеты,
А третьих я найти еще не смог.

Так много лет о них не вспоминал я, грешный,
Но что-то сердце дрогнуло вчера...
Забыт давно предмет, изученный поспешно.
Но не забудется урок добра.

Они простили нам все наше невниманье —
Добры учителя всех стран и всех времен.
Нужнее им ли, мне ли позднее признание —
Я шлю им благодарный свой поклон.

Наставник

Человек позабытого ныне призванья —
Исповедник, владеющий тайной души,
При степенности внешней, немаленьком званьи,
Сердцем чутким откликнуться вечно спешит.

Человек перводанного смысла «наставник»
В скольких судьбах людей воплотился добром.
За заботы свои о других неустанных
Он увенчан в награду густым серебром.

Сколько судеб людских пропустил через сердце
– Оттого оно чаще с годами болит.
К огоньку его сердца приходят погреться.
Но раз греет оно, значит, точно, горит.

Авеста

Где ты, Книга праотцов – Авеста?
Мудрость незапамятных веков,
Что была когда-то мерой веса
Праведных деяний и грехов.

В волнах ли Великого потопа
Затерялся твой прощальный след?
Но сквозь бытие, как изотопы,
Твои строки излучают свет.

Этот свет – и в формулах созвездий,
Россыпью – в сказаньях о былом,
В притчах, наставленьях и советах.
В непонятных знаках НЛО.

В мантрах звуков музыки духовной,
В искренней молитве, в красоте,
В добром деле, благодарном слове,
В сердце принимаемых гостей.

В нас самих – отдельные страницы...
Чтобы в них оставить след пером,
Надо каждый день на бой сходитья —
Вечный и святой – добра со злом.

Не пропала на Земле Авеста!
Время убыстряется – спеша
Дальних Предков праведные вести
Прочитать, раскрыв глаза души.

Кавказские башни

Сколько загадок оставили мудрые предки!
Сколько вопросов!
Найти ли на все нам ответ?
В картах созвездий, в рецептах и в формуле меткой
Знаний высоких живет созидающий свет.

Сфинкса загадка, пропорций секрет Пирамиды,
Ветхозаветных преданий ожившая даль,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.